

А. Виноградов

**Организация Центральной библиотеки
СССР**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 02
ББК 78.34
В49

В49 **Виноградов А.**
Организация Центральной библиотеки СССР / А. Виноградов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 555 с.

ISBN 978-5-458-10397-8

Организация Центральной библиотеки СССР как культурный памятник Ленину. (Реформа государственного Румяновского музея).

ISBN 978-5-458-10397-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Двадцать четвертого января тысяча девятьсот двадцать четвертого года Коллегия Народного Комиссариата по Просвещению постановила протоколом номер четыре / пятьсот шестьдесят шесть, переименовать Библиотеку Румянцовского Музея в Российскую Публичную Библиотеку имени В. И. Ульянова-Ленина. Имена не даются напрасно, и великие имена обязывают.

Естественно столице Союза Пролетарских Стран иметь такую же государственную библиотеку, как и другие столицы огромных государств, обладающие книгохранилищами, всемирно-известными и нужными всему человечеству. Это не предмет роскоши, на который стыдно тратить деньги трудовому государству, это не простой памятник политического самолюбия и национальной гордости. Связь с именем вождя пролетарской революции продумана Наркомпросом глубоко и установлена до конца сознательно. Установление этой связи оправдывается исторической справкой недавнего прошлого, показывающей, что значит это сочетание И л ь и ч и К н и г а, равно как и внутренняя связь Библиотеки с именем Ленина, сурового ненавистника всякой расточительности в хозяйстве пролетария-диктатора, глубоко осмысленна. Для того, чтобы дать общий ясный ответ, касающийся этого внутреннего смысла, я пишу эту книжку. Я считаю себя обязанным дать Рабоче-Крестьянскому Правительству правдивое описание состояния тех богатств, которыми владеют трудящиеся массы в Румянцовской Библиотеке, сказать, какое целесообразное использование эти богатства могут получить и что для этого целесообразного использования надо сделать, одним словом, применяя всем понятную формулу: я хочу этой книгой дать сведения о том, что надо сделать, чтобы имя Ленина, как революционного вождя пролетариата и как строителя мировой коммуны, знающего качества всех материалов постройки, действительно было связано с многомиллионной библиотекой, обязавшейся быть достойной этого имени.

Ответим на вопросы, что Румянцовская Библиотека представляла собою недавно, что она являет собою теперь и что надо с ней сделать, чтобы она стала Ленинской Библиотекой на деле, а не только

но имени, после того, как мы с бою овладели этой твердыней и всеоружии приступили к ее закреплению в руках пролетариата, строящего просвещение.

Наша финансовая и экономическая действительность очень и очень сурова, следовательно, в деле реорганизации нашей Библиотеки заранее надо отказаться от всего, что может быть отсрочено без ущерба для выполнения неотложных задач, от всего, что связано с фантастикой и машинизаторской романтикой платонических поклонников новейшего американизма. В задачу нынешнего дня включим только самое необходимое и, с соблюдением бережливости, в одних случаях позаботимся, чтобы уровень не понизился там, где он на норме, а в других случаях введем экстренные мероприятия, чтобы довести до нормы необходимые области библиотечной работы. При этом не забудем громко сказать себе самим: долой щегольство и излишество, долой академические лакомства и роскошь.

Организовывая Библиотеку, мы не должны зачеркивать плановой работы, рассчитанной на годы, и твердо должны помнить, что постановления Музейного Отдела НКПр. 8 апреля 1921 года (протокол № 14, см. стран. 48) о расформировании Румянцовского Музея в трех направлениях, не должны остаться бумажной реформой, но получить ответственное, и соответствующее замыслу, осуществление. Пора вынести драгоценные этнографические коллекции из клетушек черезполосно занятых библиотечных зал Румянцовского Музея и развернуть их полностью в Центральном Музее Народоведения. Пора перенести Картинную Галлерею в волхонское здание Музея Искусств. **Пора уточнить трехсоставную конструкцию Библиотеки, как это указывает ее богатый материал, и правильно разместить на всей территории Пашкова дома книги, рукописи и гравюры** (конструкция книжного состава — собственно Библиотека, конструкция рукописного материала — Историко-Литературный Музей и, наконец, конструкция иллюстрационного материала: гравюры, литографии и прочих продукции по принципу множественности оттисков — Полиграфический Музей). Ни одно из этих звеньев не может выпасть из Ленинской Библиотеки, не нарушая ее смысла.

Пора начать выпуск библиотекарей из Института Библиотековедения, который готов ежеминутно приступить к курсовой работе и ждет уже 11 месяцев проведения своего устава.

Владимир Ильич писал в 1921 году в газете «Правда» (№ 28 от 9 февраля 1921 года):

«3 ноября 1920 г. издан декрет С. Н. К. «о централизации библиотечного дела» (ст. 439 Собр. Узак. 1920, № 87), о создании *единой библиотечной сети Р. С. Ф. С. Р.*

Вот некоторые фактические данные, которые мне удалось получить по этому вопросу от т. Малкина, из «Центропечати», и т. Модестова, из Библиот. Секции МОНО (Моск. Отдела Нар. Образ.). По 38 губерниям по 305 уездам, количество библиотек в Центральной Советской России (без Сибири, без Сев. Кавказа), было следующее:

Библиотеки центральные . . .	342
« районные, городские	521
« волостные .	4474
« передвижные .	1661
Избы-читальни	14739
Прочие («сельские, детские, справочные, разных учреждений, разных организаций»)	12203
Всего .	33.940

Т. Модестов полагает, на основании своего опыта, что около $\frac{3}{4}$ этих библиотек существуют на деле, остальные только на бумаге. По Московской губ. данные Центропечати дают 1.223 библиотеки, по данным т. Модестова — 1.018; в том числе 204 по городу, 814 по губернии, не считая библиотек профсоюзов (вероятно около 17) и военных (ок. 125).

Насколько можно судить из сравнения погубернских данных, надежность этих цифр не очень велика — как бы не оказалась она на деле меньше, чем в 75%. В Вятской губ., напр., 1.703 избы-читальни, в Владимирской — 37, в Петроградской — 98; в Иваново-Вознесенской — 75 и т. п. «Прочих» библиотек в Петроградской губ. 36, в Воронежской — 825, в Уфимской — 525, в Псковской — 31 и т. д.

Повидимому, эти данные указывают именно на то, что под'ем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «народное» в настоящем смысле слова. Но умения организовать, упорядочить, оформить это стремление народа, дать этому стремлению правильное удовлетворение у нас далеко еще нет. Над созданием действительно единой библиотечной сети придется еще очень и очень много и упорно поработать».

Эта, просто выраженная формула государственной задачи в области библиотечного строительства, как нельзя точнее, выражает именно то, что нужно сделать. Трудности организации библиотечной сети Владимир Ильич видел в том, что опоры сети в центре еще нет, и если мы сопоставим постановление СНК от 14/I 1919 г. с этой статьей в «Правде», то мысль Владимира Ильича станет еще яснее: надо так обеспечить центральные государственные библиотеки, чтобы они стали опорой сети понимаемой, не как сеть потребления (коллективный абонемент), книги в износ, а как сеть кооперации библиотек, как сеть организации взаимного дополнения.

Владимир Ильич был врагом дешевых экспериментов с книгой, и делу организации государственных библиотек придавал исключительное

значение, чутко усматривая в этой работе ответ на стихийное по размерам «народное» движение. Однажды он выразился о мировых библиотеках, как о «гигантских коллекторах потенциальных человеческих знаний, коллекторах, созданных инстинктом самосохранения человеческого вида в борьбе за память поколений». С этой точки зрения мировые библиотеки суть действительно **память** человеческих поколений.

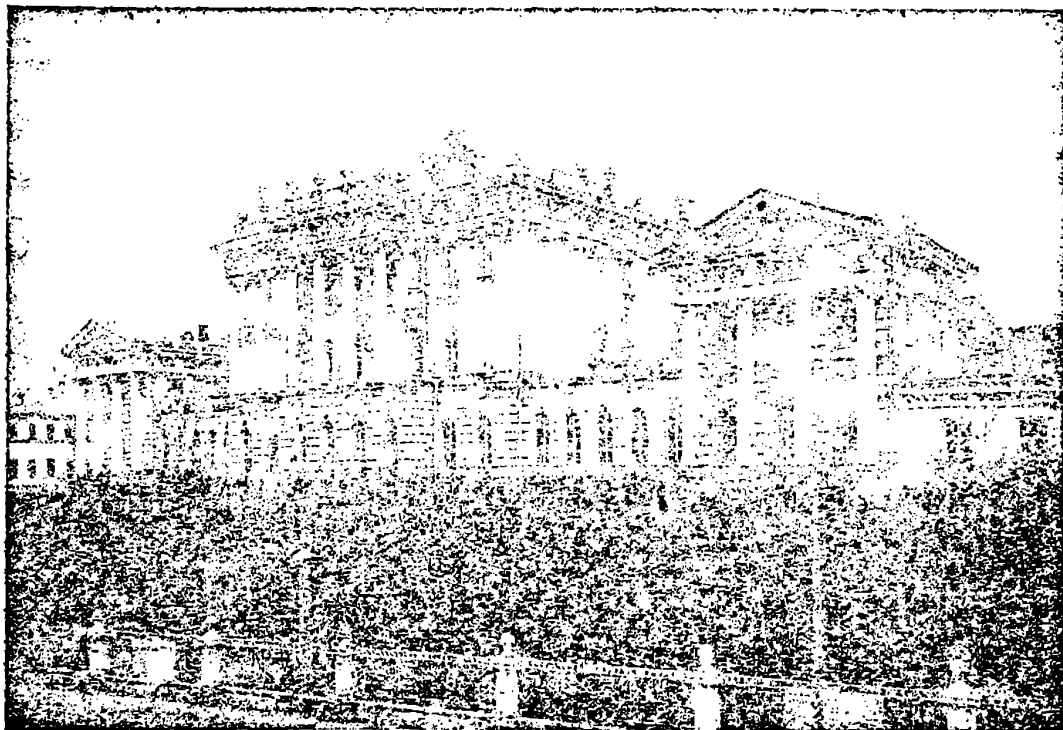
То поколение однодневок, для которых вся жизнь начинается утром их рождения и **кончается** в сумерки того же дня, измеряет жизнь своими ничтожными часами без основы в прошлом и творческого стимула к будущему. Это поколение буржуазного и феодального «*argés pour le deluge*», не чувствует на себе долга перед будущим, а в тех случаях, когда нужно усвоить и научиться усидчиво и с затратой сил, оно предпочитает легковесно и глядя поверху, «открывать америки».

Для нашего организационного века коллективный стройки, спайки и связь частей вчера-сегодня-завтра, есть одна из форм борьбы со стихией и хаосом — память великое оружие — его арсенал несколько мировых библиотек, связанных между собою, как радио-станции мощных потенциалов знания. В борьбе с затемнением сознания, с потерей памяти, человек, как вид, опирается на опыты предшествующих поколений, закрепленные в печатном слове. Чем богаче это запечатление, тем шире возможности движения вперед. Для библиотекаря-коммуниста, книга есть оружие борьбы за самое стройное будущее человеческого общества, за мировую коммуну, как космос и порядок, поборовший хаос и анархию, культурное беспамятство и темноту капиталистической мясорубки, истребляющей миллионы людей. Для библиотекаря-общественника первые оттиски колыбельных Гуттенберговых книг смотрятся с такой же зрительной установкой, как первые крылья летающего Фармана или первые безлошадные тележки Форда — это новое достижение на пути свободного человека.

В Европе нет *библиотеки имени Карла Маркса*, тем более мы, строители того федерального мира, который, естественно не удался и выпал из рук Вильсона, мы строители подлинных *Пролетарских Соединенных Штатов Европы*, обязаны *Библиотекой имени Ленина*, создать культурный памятник величайшему из людей, когда-либо живших. Здесь, на востоке Европы, мы должны встретить утреннюю зарю нового человечества превращением простых слов латинского Витрувия в осмысленную аллегорию на реальной основе: «Библиотеки должны глядеть на Восток, ибо пользование ими требует утреннего света, и книги в таких библиотеках не истлевают». Мы — Восток, преображенный Лениным, надо, чтобы наши библиотеки не загнивали и не тлели, а светились под лучами этого утреннего света.

Ч А С Т Ь I

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Внешний вид Библиотеки с Моговой улицы.

§ 1

Во всяком организованном государстве Центральное Книгохранилище, универсальное по задачам и инвентарю, т.е. способное дать на основании своего материала справки для системы книжного знания по любому вопросу всякому серьезному читателю, или деятелю науки, искусства, литературы, находится в непосредственном линейном подчинении и ведении Верховного Законодательного Органа страны, что,

ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКИЙ В МОСКВЕ. Основанием Музею послужили коллекции канцлера графа Н. П. Румянцева, одного из меценатов последней четверти XVIII-го и первой XIX-го столетия, который всю свою жизнь положил на собиране и издание рукописных памятников по русской истории; оставленная им библиотека замечательна была систематичностью подбора книг и по своему времени была образцовою: основание ее было положено приобретением богатой библи. Лерберга, которая и начала затем быстро разрастаться. Малиновский, Круг, Калайдович, Строве, Кеппен, Аделунг и др. собирали везде книги для Румянцева, главным образом сочинения по истории и географии Севера; умыслом канцлера было основание большой национальной библиотеки. По литературе истории и путешествий ему уже при жизни удалось собрать такую коллекцию, которая превышала бедную еще тогда б. импер. публ. библиотеку; все выдающиеся ученые того времени пользовались ею. Кроме библиотеки, Румянцева собрал также нумизматическую, минералогическую и археологическую коллекции. Судя по отзыву Евгения Болховитина, Румянцева имел намерение открыть «на общую пользу» составленные им библиотеку и музей не от имени правительства и не в виде казенного учреждения, а как учреждение частное, но он умер в 1826 г., не сделав никаких распоряжений относительно этого. Брат его и наследник, Сергей Петрович Румянцев, в 1827 г. передал библиотеку и музей правительству с тем, чтобы они открыты были для публики в Петербурге; правительство передало их в ведение министр. народн. просвещения, с наименованием Румянцевским музеем. 22-го марта 1828 г. состоялась передача. С. П. Румянцева передал предназначенные для помещения музея дома на Английской набережной, выразив желание, чтобы музей был открыт для публики, хотя один раз в неделю, и рекомендовав библиотекарем известного Востокова, заведывающего до того коллекциями Румянцева. Но музей был открыт только через 2 года, когда были утверждены устав и штаты его—это время употреблено было на прием, устройство и размещение коллекций. Печат-

врочем, не исключает функциональной зависимости от отдельного ведомства и управления. В применении к системе федеральной связи государств, входящих в Советский Социалистический Союз, может естественно возникнуть вопрос о необязательности трафаретов буржуазных стран для Союза в отношении подведомственности Центральной Государственной Библиотеки. Но есть основания, идентичные с основаниями Америки и социально безразличные формулы, побуждающие защищать подведомственность Центральной Библиотеки Союза его Центральному Исполнительному Комитету. Как будет решен этот вопрос в жизни — трудно сказать сейчас, но, во всяком случае, есть основание полагать, что основа этого вопроса жизненна.

Прочитанный 16/III 1924 г. этот мой доклад встретил возражения со стороны приемлемости НОУ в библиотечной работе. Один из моих оппонентов, возражая мне, говорил, что нужды российского просвещения нигде так остро не выражены, как в деле организации Центральных Государственных Книгохранилищ, а вместе с тем эти государственные Книгохранилища дублируют друг друга и не распределяют своих задач. Он спрашивает, нужно ли «некультурной России» столько библиотек универсального значения и не лучше ли было бы создать в Москве, как Столице Союза, одну действительно хорошо организованную Библиотеку за счет всех остальных, претендующих на универсальность, ибо все эти вместе взятые огромные, как египетские пирамиды, книжные груды не составляют даже одной целесообразной организованной библиотеки. В дальнейших прениях по докладу раздавались и такие вопросы, следует ли быть этой Библиотеке в Москве, и если следует быть в Москве, в чем выразится *всесоюзное* значение этой Библиотеки, не останется ли она попрежнему только Московской Публичной Библиотекой, как ныне остается Публичная Библиотека в Ленинграде только ленинградской, «питерской». Все дело в том, что положительный ответ на этот вопрос настолько выдвигается самой жизнью, и условиями книжного рынка, и безвозвратным уходом с поля зрения всякой зачитанной книги, что если бы даже и не было бы в Москве аналогии Ленинградской Публичной Библиотеки, то ее пришлось бы заново создать на Московской территории, до такой степени острыми штыками статистики, завоевывается этот план и осуществление этой задачи. К счастью дело не стоит так громоздко. В Москве имеется великолепный

ных книг в эпоху перехода было 28200 т., рукописей 710. В составленном по поручению мнѣ нар. просп. проекте устава, Востоков предлагал между прочим, открыть музей для чтения и выписок ежедневно (Публ. библиот. была в это время открыта только 3 раза в неделю). 28-го мая 1831 г. проект этот был утвержден, а 23 ноября музей открыт для посетителей, которые могли оставаться в нем зимой с 10 ч. утра до «захождения солнечного», а летом с 10 ч. утра до 8 час вечера. Румянцовский музей в это время имел значение, главным образом, своими славяно-русскими рукописями и богатым собранием летописей и актов. Румянцов собрал, как известно, большое количество списков с важнейших памятников, хранившихся в библиотеках: Софийско-Новгородской, Московско-Синодальной, Ново-Иерусалимской, Кирилло-Белозерской, Волоколамской, Троицкой, Спб. духовн. академии и проч. Единственное открытое тогда для публики собрание славянских и русских рукописей имп. публ. библ. не было еще особенно богато, а монастырские книгохранилища были доступны лишь немногим. Значение и известность рукописей возросли особенно с тех пор, как вышло в свет классическое описание их, составленное первым директором музея—Востоковым. Затем большой интерес для истории русского просвещения представлял и личный архив канцлера Румянцова. С сороковых годов управление музеем соединено было с управлением имп. библ., так что помощник директора библиотеки был директором музея. С 1846 г. директором музея был помощник М. А. Корфа, князь В. Одоевский. В то время, однако, как Публ. библ. в течение 50-х годов все более и более развивалась, Румянцовский музей вследствие того, что главное внимание было обращено на Публичн. библиотеку приходил постепенно в упадок. Не будучи в состоянии делать что-либо существенное для музея, Одоевский в 1860 г. предложил: или 1) перевести его в Москву, или 2) передать какому-либо ученому учреждению, или же, наконец, 3) назначить сумму на ремонт домов и пополнение библиотеки. Назначенная по этому поводу комиссия предложила передать библиотеку в Публ. библиотеку, а коллекции—в Эрмитаж. Так как в это же время о переезде музея в Москву, где он должен был послужить основаньем публичной библиотеки и музея...

материал. Библиотека огромная по составу и речь идет только о правильной организации этого материала, об окончательном придании этой почти аморфной книжной массе, кристаллизующих начал, которые способны будут дать ей целесообразное направление всех частей.

§ 2

Эта библиотека, осуществляя свои активные просветительные стремления должна апеллировать к книге, как главной деятельнице и революционной силе человеческого ума, опираясь на два основных признака: на универсальную полноту и неприкосновенность своего имущества, это первое. Эта полнота должна быть законодательно подписана, она должна сказаться в правительственных актах о неприкосновенности имущества этой Библиотеки, о его цельности и сохранности. Активная форма правительственного воздействия для той же цели должна выразиться в том, чтобы осуществлялись все способы ее пополнения, как текущей новой литературой, так и путем восполнения прежних пробелов. Вторым признаком должна быть доступность всех этих книжных богатств для широкой читающей массы. Библиотечная универсальность требует, чтобы коэффициент использования материалов достиг максимальной цифры, а для этого необходимо этот материал правильно классифицировать, обеспечить его сохранность для ряда поколений и систематически разгруппировать. Необходимо обеспечить территориальное расширение Библиотеки, т.-е. дать ей возможность систематически и планомерно заполнять хорошо оборудованные помещения. Прилагаемый план показывает, что квартал, занимаемый Библиотекой, дает хорошие строительные перспективы, не выходящие за пределы владений Библиотеки. Книжный тираж второй половины XIX века, количеством превосходя фантастику самого пылкого воображения, прорвал плотину частного любительства и в деле организации библиотек заставил человеческий ум перейти от средневековой замкнутости к такой форме общественного служения, которая простую элементарную технику организации небольших книгохранилищ превратила в общественную прикладническую практику библиотечного дела. На пороге XX века значение универсальных книгохранилищ перерастает уже не только частную, но и государственную задачу. Догоняя рост книжных богатств мира, наше

начал хлопотать попечитель моск. учебн. округа Исаков, то правительство, решив, что Румянцовым не было поставлено непременно условием оставление музея навсегда в Петербурге, постановило, несмотря на протест со стороны кружка русских ученых (группа В. В. Стасова), дома музей продать и перевести его в Москву; перевод состоялся в 1861—62 году. Первые пять лет музей находился под ведением попечителя моск. учебн. округа, в 1867 году управление им возложено было на особое лицо, назначаемое царем с званием директора.

И библиотека и собрание рукописей после перевода музея в Москву, начали быстро обогащаться, особенно последнее. Уже вскоре после открытия приобретено было богатое собрание масонских рукописей гр. Манского (а затем позже таковое же проф. Епиевского) и знаменитая коллекция славяно-русских рукописей и старо-печатных книг ученого библиографа В. Ундольского; затем последовали приобретения такого же собрания известного торговца древностями Пискарева, собрание южно-славянских рукописей А. Хитрово и наконец библиотека помещика И. Лукашевича; собрание книг церковной печати этой последней библиотеки уступает только Погодинской и Кастеринской коллекциям; в этой же библиотеке собраны были издания типографий Южной и Западной России, униатские издания и славянские рукописи Южной России. в нее вошла далее коллекция украинских актов XVI и XVII стол., собранная историком Украины Маркевичем и собрание книг гражданской печати при Петре Вел. Далее, в музей поступило собрание рукописей о расколе Н. И. Попова, рукописи по истории и истории русского права И. Д. Беляева. Очень важно было приобретение части библиот. известного слависта проф. В. И. Григоровича (другая часть ее еще раньше перешла в библиотеку новороссийского университета), которая особенно богата была памятниками древне-славянского, болгарского и сербского письма. В 1877 г. приобретена была одна из наиболее замечательных драгоценностей музея—Архангельское Евангелие, по времени написания второе после Остромирова Евангелия. Из дальнейших приобретений можно от-

Центральное Книгохранилище должно идти с ним в уровень. Плохо будет, если мы разведем руками, поняв, что непредугадана форма развития и гигантский рост Центральной Библиотеки. Через 10 лет нас будет экзаменовать человечество: Мировые Библиотеки — эти несколько точек, рассыпанные по земному шару, вступят в кооперацию, как радиостанции, как огромные коллекторы потенциальных знаний.

§ 3

Подходя ближе к вопросу об организации Центральной Библиотеки Союза в Москве на основе многомиллионного книжного имущества Румянцевской Библиотеки, считаю необходимым коснуться одного принципиального вопроса, именно провозглашенного Постановлением Совнаркома 14 января 1919 г., лозунга европеизации и американизации русских государственных библиотек. Этот библиотечный американизм, как система библиотечных методов и установок, рассчитан на психологию работника, приноровленную к постоянному и привычному содействию машины. Своеобразие русской НОТ, применение ее к библиотечководению, к библиотечной технике состоит, если так можно выразиться, в «обезмашиненности» нервно-психических установок библиотечной работы. Отсюда вытекает наша цель: экономии сил и средств в наиболее целесообразной и дешевой организации книгоснабжения читальных зал, увеличение коэффициента использования книг, развертывание возможности идти навстречу всякого рода читателям. Конечно, это не только не исключает, но, наоборот, подготавливает в ближайшие годы решение вопроса о том, что для государства станет дешевле, ввести ли машинные установки, одновременно увеличивая количество живой силы, сплоченной по НОТ, или вовсе отказаться от чего бы то ни было и погрузиться в мертвое море невежества, сопровождающее библиотечную анархию. Конечно, никакое здоровое государство не пойдет по второму пути. Следовательно организация Библиотеки, именно в Столице Союза, не является придуманной, а совершенно живой и реальной задачей, а ее скорейшее решение диктуется, как внутренней потребностью правильной организации реально существующего книгохранилища в Столице Союза, так и внешним воздействием, сущность которого сводится к тому, что мы присутствуем при гибели этой цельной Библиотеки под влиянием нерационального способа книгохранения и книгопользования, вследствие

иметь собрание исторических и историко-юридических рукописей А. Попова, очень богатое собрание историко-юридических актов купца Гарелина; собрание рукописей А. Федорова, 30 томов которого заключают в себе материал для истории Екатерининской комиссии по составлению нового уложения, бумаги А. Ф. Вельмана, покойного библиотекаря музея, А. К. Викторова и других. В музее имеется коллекция первых русских ведомостей, составленная, главным образом из собрания их, приобретенного от С. Д. Полторацкого коллекция нотно-богослужебных рукописей и печатных нотных книг (от В. Одоевского). Этот отдел библиотеки постоянно обогащался, как приобретениями, так, главным образом, и пожертвованиями; так, сюда вошли собрания церковно-печатных книг из дублетов Новг.-Софийского собора, коллекция славянских рукописей и книг из оловянной духовной семинарии и т. д.

В рукописном отделе библиотеки образуется мало-по-малу также богатое собрание материалов для истории русской литературы и искусства; в день торжественного открытия памятника Пушкину было передано сыном его собрание рукописей поэта (между прочим записные книги его с 1819 г. до последних годов), а затем собрание писем к поэту и его письма к жене; в музее хранятся далее бумаги художника Иванова (в них письма Гоголя), воспоминания А. Дельвига, рукописи Островского, Льва Толстого, Антона Чехова, Александра Эрделя, плеяды Декабристов, плеяды 40-х годов, Герцена. Огарева, Фета и новейших поэтов.

В гораздо худшем положении находилась библиотека музея в собственном смысле этого слова, т.-е. собрание книг. До перевода музея в Москву библиотека его состояла все из тех же собранных Румянцовым книг, которые в начале 60-х годов очень уже, конечно, устарели, а так как новые поступления были все случайные, а средств на приобретение книг не было, то библиотека очень долго не могла удовлетворять требованиям читателей. Так, до 1870 г. не было получасно